

Несколько дней спустя, Эмма и я все еще тесно сдружились, оживленно беседуя в моей комнате. Мы проводим большую часть дня вместе, когда я не занята самостоятельными занятиями или ходьбой по прямой линии с блюдцем, поставленным на голову. С тех пор, как разразился весь этот беспорядок во Дворце Заката, я оказалась заперта в помещении или в Розовом саду, а Финн был разжалован из лис в комнатных собачек, выполняя мои поручения в библиотеке.

Он всегда многозначительно смотрит на названия книг, которые я прошу его принести, но достаточно умен, чтобы не спрашивать, почему пятилетний ребенок читает философскую теорию, которая почти достаёт до моего бедра, если я поставлю ее на пол. В основном, Мари тоже оставляет меня в покое, но я чувствую, что она рада, что у меня есть кто-то примерно моего возраста, с кем можно поговорить, и я не зарываюсь носом в книги так часто, как раньше.

Эмма на удивление легко поддается общению, но она дорогая спутница, любящая ничто иное, как блестящие монеты, которые у меня есть. Для кого-то другого эта привычка вызывала бы у меня отвращение, но я могу унюхать тяжелое детство, скрывающееся за ее впалыми глазами, и никогда особо не жалуясь.

Я закручиваю чашку чая чайной ложкой, вспоминая, как в прошлом меня чуть не отравили таким образом.

"Это дело, - вдруг спрашиваю я, - оно так и не было завершено, верно?"

Эмма видит, что я пристально смотрю на тончайшую фарфоровую чашку, и сразу же может предположить, о чем я говорю.

"Нет, ваше высочество. Через несколько дней никто больше не упоминал об отравленном чае", - безразлично сообщает мне Эмма. Я выпускаю меланхоличный вздох и начинаю играть с небольшой горкой сахара, осевшей на дне чашки.

Весенний бал нависает над моей иначе беззаботной жизнью, словно нежеланный спутник, становясь все более настойчивым по мере приближения дня. Эмма упомянула вскользь, что нескольких дизайнеров пригласили во дворец, чтобы специально разработать наряды для Императрицы Кати и Принцессы Юлии. По ее словам, несколько служанок восхищались невероятно длинными отрезами мерцающей ткани, которые вносили многочисленные слуги, и персонал делал ставки на то, кто же будет лучше всех одет в этом году на балу.

Такое масштабное мероприятие, требующее тщательной подготовки, даже мой обычно спокойный Розовый дворец стал свидетелем прихода и ухода управляющих, вызванных из моего дворца, чтобы помочь с возведением шатра в большом открытом двореке, который является частью Весеннего бала. Бал состоится через 2 дня, и волнение во дворце достигло пика, а мне все еще не во что одеться.

"Не грустите, ваше высочество. Вы похожи на Снежную Эллу", - говорит Эмма в редкой попытке утешить меня. Она обходит наш маленький столик с чаем и похлопывает меня по голове, что кажется мне странным, пока я не вспоминаю, что она на два года старше меня и, возможно, видит себя утешающей маленького ребенка.

"Спасибо, Эмма", - говорю я, и мое сердце немного размягчается от этого тонкого проявления привязанности. "Также, это Белоснежка, а не Эла. Эла - это для Золушки".

"А, ну да. Ну, я все равно думаю, что вы похожи на нее", - говорит Эмма, небрежно проходя

мимо своей небольшой ошибки без намека на смущение. Если бы не озорной блеск, наполняющий ее иначе спокойные глаза, когда она просит денег, можно было бы подумать, что она эмоционально холодный ребенок.

Я тихонько хихикаю над ее милой ошибкой, и мое настроение начинает немного подниматься.

"Я хочу быть лучше, чем Белоснежка", - говорю я ей легким тоном, призывая ее спросить, почему.

За последние несколько дней я обнаружила в себе скрытый дар рассказчика, тем самым пленяя юношеское увлечение Эммы популярными сказками из моего мира. Я не думала, что мои навыки так впечатляющи, ведь я просто брала отсылки из того, что видела в фильмах, но, видимо, в этом мире, лишенном телевидения и Интернета, хорошая история является превосходным развлечением.

"Вы уже лучше. Вам идет ваше имя, с вашими снежно-белыми волосами. Я знаю, что кожа Белоснежки была не столь бледна, как ваши волосы", - разумно соглашается Эмма, совершенно упуская мою суть.

Я качаю головой с ироничной улыбкой и касаюсь своих волос при их упоминании.

"Нет, глупышка. Не в этом смысле", - мягко поправляю я.

Эмма наклоняет голову в замешательстве, словно щенок.

"Тогда в каком, ваше высочество? Вы обе принцессы, застрявшие в грязи, вас обеих отравили, и у вас обеих есть злые мачехи".

Немного пугающе, насколько много общего у моей новой жизни с вымышленной принцессой.

"Верно, но когда та застряла в грязи, сделала ли она что-нибудь, чтобы вытащить себя оттуда?" - спрашиваю я, рассматривая это как момент для обучения, о необходимости решать свои проблемы самостоятельно, не полагаясь на других.

Эмма в замешательстве, но вскоре отвечает: ".. разве в конце истории все не складывается хорошо для Белоснежки?"

"Да, но спасла ли она себя сама или искала, кто-бы спас ее?" - я немного перефразирую свой первоначальный вопрос, и во взгляде Эммы вспыхивает понимание.

Четко. В первый раз ее спас тот охотник, во второй - гномы, а потом и принц, - медленно загибая пальцы, перечислила Эмма. - Так что она была спасена другими людьми трижды.

- Верно. Зачем мне вечно ждать, пока меня придет спасти какой-то мужчина? Я предпочла бы быть принцессой, которая спасает себя сама, - объяснила я с долей пыла. Клятва Финна охранять мою жизнь была очень трогательной, и я ценю этого рыцаря за его жест, но я знаю, что для выживания в этом мире мне придется стоять на собственных ногах, а не прятаться за спиной Финна или еще кого-либо, кто проявляет жалость к незаконнорожденной принцессе.

Эмма, однако, не выглядела убежденной.

- Я бы предпочла быть принцем. Тогда я мог бы спасти вашу светлость, а вы могли бы дать мне больше денег.

На ее лице расплылась бесстыдная улыбка, когда она вскочила с кресла и начала размахивать невидимым мечом. Несмотря на ее взрослое поведение, я помнила, что она всего лишь ребенок. Правда, ребенок с односторонним умом, помешанным на деньгах. Я вдруг забеспокоилась, что Эмма может выболтать посторонним людям темы наших разговоров, если те помашут перед ней блестящими монетами, но прежде чем я успела предупредить ее о нежелательности разглашения наших бесед, раздался стук в дверь.

Эмма прекратила прыгать по комнате, изображая фехтование, и я разрешила вошедшему говорить. В приоткрывшуюся дверь просунулось встревоженное лицо Мари.

- Что-то случилось? - спросила я ее, видя, что она явно чем-то озабочена там, за пределами моего зрения.

- Ваша светлость, императрица прислала вам несколько платьев, чтобы вы выбрали для предстоящего весеннего бала, - сообщила Мари, все еще ожидая моего разрешения войти.

Она не была настолько официальной обычно, часто прерывая наше время, чтобы позвать меня к ужину. Но в присутствии посторонних важно поддерживать видимость, и Мари достаточно сообразительна, чтобы это учитывать.

Мое лицо слегка дернулось, но я быстро взяла себя в руки, и эта гримаса, должно быть, выглядела как одна из тех случайных странных рож, которые дети иногда корчат. Это был подходящий момент применить то, что я усвоила на своих мучительных ежедневных уроках этикета с миссис Ларош. Я выпрямила спину, изящно скрестила лодыжки и красиво положила руки на колени.

Я мягко наклонила голову к Мари, не до конца - как киванье, но с той деликатностью, которую должна демонстрировать благородная леди. Мари, которая добросовестно стоит в углу каждого из моих невыносимых занятий, сразу распознала, что я выполняю одно из упражнений, вдолбленных в меня учительницей этикета, и расцвела в одной из своих знаменитых улыбок, когда толкнула двери.

В комнату тяжело ввалились два крепких придворных, неся узкую версию массивного деревянного шкафа из моей спальни. Они с грохотом поставили его на пол перед камином, и две служанки, следовавшие за ними, быстро открыли дверцы, чтобы я могла увидеть, что там внутри.

В этот момент я была благодарна, что в комнате присутствуют посторонние. Эмма бесхитростно присела рядом с креслом, растворяясь в сцене, как настоящий профессионал, а Мари была слишком занята, следя за моей реакцией, чтобы как следует рассмотреть платья.

Эти платья были уродливыми. Ужасными. Вульгарными нарядами, несомненно, созданными, чтобы вышвырнуть меня с бала под общий хохот. Я не могла подобрать более мягкие слова, чтобы их описать. Несколько кричащих цветов больно резали глаза, как будто я уставилась прямо на солнце, а количество ненужных оборок и лент на некоторых из них заставляли меня физически содрогнуться. Единственным спасением было то, что ткани, использованные для этих уродств, несомненно, были сделаны из обрезков, которые Катя и ее отродья использовали для создания своих собственных шедевров.

Я осознала, что уставилась на платья в молчании слишком долго, и теперь все смотрят на меня, поэтому прочистила горло и глубоко вдохнула, готовясь к стремительному, как никогда, актерскому выступлению. Мои руки дрожали, когда я поднесла их ко рту, и я запрыгала с ноги на ногу, превращая свой ужас в неудержимый восторг.

- Оооооо!!! - пронзительно взвизгнула я таким громким голосом, что мгновенно возненавидела себя.

Я звучала как избалованная девчонка, только что столкнувшаяся со своей "лучшей подругой" на вечеринке. Из своего укрытия Эмма смотрела на меня, будто у меня выросла еще одна голова, Мари была довольна, потому что я довольна, а я заметила, что служанки императрицы обмениваются многозначительными взглядами. Я прыгаю по комнате, как мексиканская фасолина, и это неожиданно оказалось утомительным, так что я знала, что мне нужно быстро заканчивать это представление.

- Мари, - взмолилась я, хватая за ткань ее черного платья, которая выглядела лучше, чем все, что так любезно прислала мне императрица. - Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, позволь мне сразу же примерить эти платья!

Когда я буду переодеваться, все нежелательные гости в этой комнате могут выйти, и я наконец-то смогу перестать притворяться, будто только что перенёс передозировку ЛСД. Мария бросает на слуг императрицы взгляд, говорящий им о необходимости быстро покинуть комнату, и едва за ними закрывается дверь, я прекращаю свою театральную игру.

Эмма и Мария обмениваются выражениями лиц, при этом Эмма демонстрирует редкую довольную ухмылку, в то время как Мария выглядит просто дезориентированной.

- Ваше высочество? Разве эти платья вам не по душе? - спрашивает Мария, её замешательство заставляет её усомниться в моей резкой реакции, которая так внезапно угасла.

Я энергично качаю головой. На мгновение моя няня выглядит растерянной, а затем движется к моей двери.

- Я-я позову служанок, чтобы сообщить её величеству, что вам они не нравятся..

- Нет, не надо! - выпаливаю я, прежде чем она дотрагивается до дверной ручки.

<http://tl.rulate.ru/book/30200/3807891>